

I. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕКСТА

УДК 81–13

«ВОЗМОЖНОЕ» И «НЕВОЗМОЖНОЕ» В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА*

В.З. Демьянков

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия)
vdemiank@gmail.ru

Лексические единицы, обозначающие возможность и невозможность, относятся к семантическому классу «эпистемологических гарантий», которые несколько по-разному используются в испанском языке, на котором говорят в Испании и в Латинской Америке. В данной работе некоторые идеи, лежащие в основе систем искусственного интеллекта, реализованы в алгоритмах обработки корпусов художественной литературы и научных текстов на указанных вариантах испанского языка. Полученные результаты включают статистику левых и правых контекстов у лексем позитивной и негативной возможности и их аналогов в корпусах. Эти данные демонстрируют различия между понятиями возможности и невозможности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, конструкционная грамматика, контрастивное корпус-статистическое исследование, возможность, контекст, параметры корпуса, национальные варианты испанского языка, языковая идентичность.

Для цитирования: Демьянков В.З. «Возможное» и «невозможное» в национальных вариантах испанского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 5-14.

DOI: 10.20916/1812-3228-2024-4-5-14

1. Введение

Как известно, системы типа ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer) основаны на гипотезе, что при создании связного текста после каждого уже выбранного элемента с той или иной степенью вероятности выбирается следующий: справа («правый контекст») и/или слева («левый контекст»). Этот выбор подчиняется правилам и законам не только сосюрговской langue («чистого» языка со своей жизнью), но и langage, учитывающего даже внесистемные обстоятельства дискурса. Установить эти вероятности хотя бы приблизительно можно, подсчитав частотность контекстов, «конструкций», в каком-либо представительном корпусе реальных текстов. Количество цепочек из пар, троек, четверок и т. д. элементов

текста, выходящее по частоте за пределы априорно ожидаемых, пропорционально устойчивости этих сочетаний.

При этом предполагается, что знание языка включает в себя «[...] распознавание и воспроизведение повторяющихся, знакомых конструкций и их предпочтительных лексических вариантов; понимание буквального и метафорического значений высказывания в контексте; а также способность продуктивно применять, посредством аналогии и обобщения, известные конструкции к новому лексическому материалу, умение втиснуть в конструкции новые элементы, даже не соответствующие образцу» ([...] recognizing and reproducing recurrent, familiar constructions and their preferred lexical instantiations; understanding literal and metaphorical meanings of utterances in context; and being able to productively extend, via analogy and generalization, known constructions to novel lexical material, including the constructional coercion of items that do not fit the pattern at first sight)

* Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–18–00702) в Российском университете дружбы народов (РУДН).

[Madlener 2015: 17]. Это знание иногда бывает «uncritical and nonarticulated» [Andrews 2014: 27].

Представим себе, что в хранилище прецедентных пар содержатся: *волк съел* с вероятностью p и *съел бабушку* с вероятностью q . Вероятность (ожидание, «экспектация») монтажа этих пар *Волк съел бабушку* в таком корпусе является функцией от произведения p и q . Учет эмпирически выявленных степеней вероятности позволяет автору текста отказаться от заведомо маловероятных ходов или, наоборот, повысить креативность, вбрасывая в текст как можно более причудливые сочетания. Грамматически допустимые, но почему-либо еще не встретившиеся в корпусе цепочки слов в будущем смогут войти в моду и стать банальными. Но текст, состоящий только из штампов, не всегда и не для всех приемлем, – если это не чек кассового аппарата.

Этот подход в прикладных системах уточняется и усложняется инженерными решениями *ad hoc*, не претендующими на психологическую реальность, но зато позволяющими получать тексты приемлемые, даже если в них фигурируют еще не встреченные последовательности слов, обладающие априорной нулевой вероятностью. Такая постановка вопроса вписывается в контур когнитивной лингвистики при выяснении языковых и экстралингвистических причин того, что одни конструкции в корпусе встречаются намного чаще других: «to catch interpreters' cognitive processes in the act, to reconstruct their pathways and their textual, extratextual, and even nondiscursive triggers» [Altes 2014: 249].

Проект этот повторяет и ход мысли первых генеративистов 20 в. З. Харриса и Н. Хомского, которые ввели каждый свое понятие трансформации: помимо непосредственно хранимых контекстно-независимых «пар», во многих языках есть еще механизмы формального и смыслового согласования между собой частей текста (согласование числительных и определений с существительными, управление глаголов и т. п.). Причем «грамматически зависимым» бывает не только «правый» контекст (то, что следует в тексте справа от данного элемента), но и «левый», предшествующий. Так, *Волк съел два бублика* хоть и должен включать в себя пару *съел – два*, однако, наученные школьной грамматикой, мы умеем отличать связь *съел бублики* и *бублика два* от связи *съел бабушек* и *бабушек двух*. Старый спор сторонников грамматики непосредственно составляющих [Bowers 2018: 1-2] со сторонниками

грамматики зависимостей [Mel'čuk 2014] обретает при этом новую актуальность, ср. [Dikken 2018], [Gerdes, Hajičová, Wanner 2014].

Идея блочного строительства лежит и в основе подхода «конструкционной грамматики» (construction grammar): в этом «usage-based cognitive-linguistic approach» [Herbst, Schmid, Faulhaber 2014: 2] лексикон и грамматика предстают как наборы «объединений символов» (symbolic units) [Harrison, Nuttall, Stockwell, Yuan 2014: 14], а создание текста выглядит как вплетение в промежуточный результат, шаг за шагом, и отдельных словоформ, и целых конструкций, заранее заготовленных многоэлементных единиц лексикона. Правдоподобие получаемого вычисляется на основе хранимых в лексиконе данных о вероятностях появления в тексте каждой отдельной конструкции. А искусственность в построении текста трактуется как умение подсчитать и использовать предварительные оценки таких вероятностей: текст создается в опоре на большой набор хранимых конструкций из языковых элементов, в сочетании с вероятностями подчиненных элементов, плюс некоторые фильтры для отсеивания негодных сочетаний, от системы к системе варьирующиеся.

Общие алгоритмы выбора конструкций для вплетения в вырисовывающийся текст могут быть разными. Самый простой – когда предпочитают пользоваться конструкционными частями, обладающими максимальной вероятностью (а потому и наименьшей креативностью) в некотором закрытом корпусе реальных текстов. Ему противоположен сверхкреативный подход: выбор минимально ожидаемых сочетаний. Где-то посередине тактика доступной в сети программы (URL: <https://apihost.ru/gpt-chat>), опирающейся на клише из русских сказок и из психотерапевтической литературы, переведенной с английского языка с легкими погрешностями, напр.:

«В одной тихой деревне, окруженной густым лесом, жила-была бабушка. Она была доброй и заботливой, всегда помогала всем окружающим. Каждый день бабушка собирала травы и ягоды, чтобы варить вкусные варенья и готовить лекарственные настойки. Однажды, собираясь в лес за грибами, бабушка нарядила свою корзину и пошла по узкой тропинке. Вдруг из-за деревьев вышел волк. Он был крупным и серым, с умными глазами, которые блестели в утреннем солнце. Бабушка не испугалась, ведь знала, что волки – это не только хищники, но и мудрые существа.

– Здравствуй, бабушка, – сказал волк, стараясь говорить как можно мягче. – Ты не боишься гулять одна в лесу?

– Здравствуй, волчонок, – ответила бабушка. – Я привыкла к лесу, и он не так страшен, как о нем говорят. А ты что здесь делаешь?

– Я просто ищу себе завтрак, – с сарказмом ответил волк. – Говорят, что здесь много здоровья и счастья, но не всегда просто его найти.

Бабушка, заметив грусть в голосе волка, решила предложить ему помощь. Она рассказала о травах и ягодах, которые помогают делать жизнь лучше. Волк, внимая ее мудрости, начал интересоваться, как можно стать добрее и как не потерять свою дикую природу. После длинного разговора бабушка и волк поняли, что могут быть полезны друг другу. Бабушка чаще стала гулять по лесу с волком, а волк в свою очередь охранял бабушку от всяких неприятностей. Так они и стали хорошими друзьями. Каждый день в их жизни появлялась новая история – смех и приключения. Бабушка показала волку, как быть добрым, а волк рассказал бабушке о лесных тайнах. Теперь они не только наслаждались компанией друг друга, но и находили радость в простых вещах, таких как прогулки по лесу, сбор ягод и вечерние беседы у костра.

Придирчивый критик поймет по этому тексту, что механизм не так-то и безукоризнен и допускает изъяны типа: *с умными глазами, которые блестели в утреннем солнце, не потерять свою дикую природу, бабушка нарядила свою корзину и появлялась новая история*. А клише, уместные в «канцелярите», без смущения соседствуют со штампами из детских сказок. Эти и другие случайные упущения великодушный энтузиаст согласен понять, а значит, и простить как преднамеренную иронию или «волчий сарказм», приносящие удовольствие детям, их родителям и бабушкам. Некоторые помнят еще лирическую песню, начинающуюся словами «Когда идешь ты на свидание, / То выбирай короче путь» (Муз. А. Новикова, слова В. Харитонов). Эти слова можно отнести и к маршруту волка по лесу. А концовка смахивает на сообщение в визовом центре, МФЦ или от Пенсионного фонда: «И можешь ты вполне надеяться / На положительный ответ».

2. Контрастивный анализ эпистемических гарантий

Эпистемическими гарантиями, вслед за [Lyons 1977: 809], называются указания на степень реалистичности, соответствия действительности событий или предметов, упоминаемых в

тексте. Этой цели в русском языке служат выражения *на самом деле, в действительности, возможно, невероятно* и т. п., укрепляющие или подрывающие уверенность в том, что текст портретирует действительность. Узуальность, уместность и действенность (манипулятивность) их в тексте соответствуют ожиданиям носителей той или иной дискурсивной культуры и «языковой идентичности».

Наблюдая, как о возможности и действительности говорят в быту, в публичных выступлениях, в художественных произведениях, можно сделать выводы о семиотической культуре создателей текстов, об их потенциальной «идентичности», проистекающей из ницшеанской «воли к власти» в рамках самоопределения личности, регулирующей свое поведение и поощряющей или компрометирующей мнения лиц «иной идентичности», ср. [Scheller-Boltz 2017: 13].

Сопоставим синтактику лексем *posible* «возможный», *imposible* «невозможный» и однокоренных в корпусах непереводаемых художественных и научных текстов на двух вариантах испанского языка: в стандартном «пиренейском», или «кастильском», имеющем хождение на территории Испании (495 текстов), и в латиноамериканских национальных вариантах (246 текстов).

Методика и оригинальное программное обеспечение ранее уже использовались в исследовании сочетаемости лексем класса «(не)возможное» и «(не)вероятное» в текстах на русском, латинском, английском, немецком, французском языках и в общелитературном стандарте испанского (напр., [Демьянков 2020; 2021]), позволив получить данные о вероятности различных правых контекстов этих лексем (какие и как часто непосредственно **после** них встречаются те или иные классы слов) и левых контекстов (какие и как часто непосредственно **перед** ними встречаются те или иные классы слов).

Так, оказалось [Демьянков 2021a], что в большом русском корпусе (примерно 36,5 тыс. непереводаемых текстов) абсолютным чемпионом среди левых контекстов у эпистемических гарантий с позитивной основой *возможн(ый)* является союз *и* (найдено 16738 примеров): вариантов много, но наиболее частотны *и возможно* (8111), *и возможность* (4285), *и возможности* (4342). Числом при языковой единице или сочетании единиц будем указывать абсолютное количество вхождений в корпусе, а в указание источника примера включаем год создания или публикации цитируемого произведения. Напр.: ***И возможно***

ли теперича все порядки нарушать! (М.Е. Салтыков-Щедрин, Сатиры в прозе, 1863). На втором месте сочетание *по возможности* (12310), напр.: *Марья Николаевна шла все скорее и скорее, опустив глаза и стараясь, по возможности, не взглядывать по сторонам* (В.А. Слепцов, Трудное время, 1865). На третьем – *все возможное* (11480), напр.: *Перовская делала все возможное и невозможное, чтобы привлечь кое-кого к своему предприятию* (С.М. Степняк-Кравчинский, Подпольная Россия, 1881).

А среди правых контекстов лидирует нулевой член предложения, когда словом с основой *возможн(ый)* предложение заканчивается (таких случаев выявилось 51624). Напр.: *Право, я не умею вам отвечать на это, но думаю, что в известной мере возможно* (Н.С. Лесков, Некуда, 1864). На втором месте (22265) – союз *что* и союзное слово *чтобы*, напр.: *Очень возможно, что и крестница* (А.Ф. Писемский, Боярщина: Роман в двух частях, 1858). Третье место у вопросительной частицы *ли* (5074), напр.: *Возможно ли, какой судьбою?* (А.С. Пушкин, Руслан и Людмила, 1820).

«Негативная возможность» в выражениях типа *невозможно* отрицает и возможность, и существование. Напр., *невозможно сыскать* означает «не сможешь сыскать и не сыщешь». Утверждения типа *совершить невозможное* являются либо гиперболой для маловероятного (а потому не подлежат оценке «истина – ложь» всерьез), либо компрометацией прежних ожиданий, опровержением того, что впопыхах посчитали возможным. В конкуренции за соседство с отрицательной основой *невозможн(ый)* среди левых контекстов побеждает глагол *быть* в различных формах (14393), напр.: *Но уволиться было невозможно, да и паек отпускался порядочный* (Ю.П. Герман, Я отвечаю за все, 1965). На втором месте – *это невозможно* (9238), напр.: *Тяжело было услышать, что это невозможно* (Н.Г. Чернышевский, Что делать? Из рассказов о новых людях, 1863). На третьем – союз *и* (5544), напр.: *Именно ближних-то по-моему и невозможно любить, а разве лишь дальних* (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы, 1880). А среди правых контекстов распределение мест в точности то же, что и для основы *возможн(ый)*: больше всего случаев, когда *невозможн(ый)* стоит в самом конце предложения (65616), напр.: *Однако ж самой матушке тем делом обязать себя никак невозможно* (П.И. Мельников-Печерский, На горах: Книга 1, 1879). На втором месте глагол

быть (11745), напр.: *Более подходящего человека, чем Александр Александрович, для этих целей невозможно было сыскать* (Г.И. Чулков, Императоры: Психологические портреты, 1928). На третьем – союз *что / чтобы* или союзное слово *что* (8672), напр.: *Я, разумеется, не националист, но все-таки невозможно, чтобы здесь были турки*. (А.Н. Толстой, По дорогам войны, 1915). Подробнее см. [Демьянков 2021а].

Перечисление всех испаноязычных контекстов заняло бы слишком большой объем, поэтому списки контекстов, упорядоченные по убыванию числа примеров, мы обрываем, когда вероятности совсем незначительны или случайны. Поскольку количество текстов в испанских корпусах пока еще сравнительно невелико, наши наблюдения имеют предварительный характер. На основании данных, касающихся асимметрии позитивной и негативной возможности, окончательные выводы о семантике и прагматике поэтому не уместны.

3. Возможное и возможность

В пиренейском корпусе имеем следующее соотношение встречаемости безотносительно к левым и правым контекстам (где символ ‘>’ читается как «чаще»): *posible* «возможный» (3065) > *posibilidad* «возможность» (498) > *posibles* «возможные» (273) > *posiblemente* «возможно» (123) > *posibilidades* «возможности» (89).

Латиноамериканский испанский дает похожую, но иную картину: *posible* «возможный» (1260) > *posibilidad* «возможность» (408) > *posibilidades* «возможности» (205) > *posiblemente* «возможно» (126) > *posibles* «возможные» (110). В этом корпусе на третьем месте *posibilidades* «возможности», на пятом *posibles* «возможные», а в пиренейском они же, но на пятом и третьем, соответственно. Латиноамериканскую шкалу можно получить из пиренейской, переместив *posibles* «возможные» с третьего места на последнее.

Среди левых контекстов в пиренейском корпусе по употребительности лидирует сочетание *es posible* «есть возможно» (1258), в котором *posible* (ед.ч.) идет после *es* (*ser* «быть» в форме индикатива настоящего времени 3 лица единственного числа). Заметно реже встречаем это сочетание с противоположным порядком, *posible es* (97), в котором *es* составляет правый контекст для *posible*; особенно популярно было такое сочетание в рамках риторического вопроса в 17 в. (пример см. ниже). В этой роли не выступает глагол временного состояния *estar*. Так, допустимо *es posible estar enfermo* «возможно быть (временно)

большим», но не **está posible ser enfermo* «временно возможно быть (постоянно) больным».

В нижеприводимых глоссах *posible*, *imposible* и их производных в сочетании с предлогом *de* на русский язык переводятся без предлога, обнуляя правый контекст.

3.1. Левые контексты «возможного»

В испанском языке Испании явно преобладает предикат «быть возможным» в различных грамматических временах, особенно в презенсе, над ближайшим конкурентом – номинализацией «возможность»:

1258 es posible, напр.: *Él habrá hecho sus cálculos, supongo, pero por casar a su hija es posible que diera toda su fortuna* «Полагаю, он все рассчитал, но ради замужества дочери, возможно (букв. **есть возможно**), отдал бы все свое состояние» (Miguel Delibes, *El hereje*, 1998);

364 la posibilidad; из них 251 пример с предлогом *de*, напр.: *¿Tú no crees en la posibilidad de enamorarse?* «Ты не веришь в **возможность** влюбиться?» (Leopoldo Alas, *La Regenta*, 1884–1885);

287 era posible: *Si le era posible ver las caras desde sus escondites, entonces una expresión tenebrosa se asomaba a sus ojos malécicos* «Если бы ему **было возможно** видеть лица из их укрытий, он заметил бы в злобных глазах выражение мрачности» (Concha Espina, *La Nina de Luzmela*, 1922);

161 lo posible: [...] *a los enfermos se los cubre de frazadas y se encienden junto a sus camas estufas y braseros a fin de que suden todo lo posible* «[...] больных накрывают одеялами и разжигают у их кроватей печи и жаровни, чтобы они как можно сильнее вспотели (букв. все **то возможно**)» (Miguel Delibes, *El hereje*, 1998);

115 fue posible: *Así que no fue posible retenerle allí más tiempo a pesar de los esfuerzos que aquél hizo para ello* «Так что не **было возможно** удерживать его там дольше, несмотря на все усилия, которые тот приложил для этого» (Armando Palacio Valdés, *Tristán o el pesimismo: Novela de costumbres*, 1922);

76 sea posible: *El autor sólo pide que añeís cuanto sea posible vuestro espíritu* «Автор просто просит вас собраться с духом, насколько это (букв. **якобы есть**) **возможно**» (Jacinto Benavente, *Tres Comedias*, 1918);

71 ser posible: *¿Por qué no ha de ser posible que la vocación de Laura sea espontánea?* «Почему не **возможно** (букв. не **должно быть возможным**), что призвание Лауры было естест-

венным?» (Juan Valera, *La venganza de Atahualpa*, 1878).

В латиноамериканском корпусе сочетание *es posible* тоже лидирует, но встречается почти в 5 раз реже, да и с перевесом меньшим, чем в пиренейском корпусе. Столь же непропорционально часты и другие сочетания, встречаемые и в пиренейских текстах, такие как *las posibilidades* «возможности», наречие *posiblemente* «возможным образом» в начале предложения и др.:

256 es posible: *Al hablar de Albay no es posible dejar de consagrar un recuerdo al Mayon* «Говоря об Албае, невозможно (букв. не **есть возможно**) молчанием обойти Майона» (Juan Álvarez Guerra, *Viajes por Filipinas: De Manila a Albay*, 1887);

248 la posibilidad; чаще всего (203 примера) с предлогом *de*: *Y así, el don capital de la especie humana: la posibilidad de mejorarse indefinidamente, quedaba siempre más o menos anulado por todas las doctrinas religiosas o filosóficas [...]* «И таким образом, главный дар человеческого рода: **возможность** бесконечно совершенствоваться, всегда был более или менее сведен на нет всеми религиозными или философскими доктринами[...]» (Agustín Álvarez, *La transformación de las razas en América*, 1918);

226 era posible: *Era posible entregarse completamente a la ilusión divina...* «Можно было (букв. **было возможно**) полностью отдаться божественной иллюзии...» (Carlos Alberto Leumann, Adriana Zumarán, 1921);

98 lo posible: [...] *aquel que tiene / Tal cargo, hacer todo lo posible* [...] ([...] Тот, кто занимает / такую должность, должен делать все (букв. все **это**) **возможное**)» (Arcidiano D. Martín del Barco Centenera, *La Argentina: La conquista del Río de La Plata: Poema histórico*, 1836);

80 las posibilidades: *Le explicó que las posibilidades de ganar eran remotas [...]* «Он объяснил, что **возможности** победить (т. е. шансы на победу) невелики [...]» (Isabel Allende, *El plan infinito*, 1991);

51 posiblemente в начале предложения: *Posiblemente le han ofrecido eso para ganar tiempo y que usted pierda su derecho a demandarlos* «**Возможно** (букв. возможным образом), они предложили вам это, чтобы выиграть время и чтобы Вы потеряли право подавать на них в суд» (Isabel Allende, *El plan infinito*, 1991).

3.2. Правые контексты «возможного»

Шкалу употребительности в пиренейском корпусе возглавляют предложения, в которых

posible характеризует возможность некоторого хода событий, трактуемого в придаточном предложении, т.е. «возможно, что». Имеем в начале этой шкалы:

737 *posible que*: *En mi lealtad, / ¿cómo es posible que cupo / ni aun el primer movimiento / de tan detestable insulto?* «При моей верности, / как **возможно, что** я допускаю / даже попытку / такого отвратительного оскорбления?» (Juan Ruiz de Alarcón, *La crueldad por el honor*, 1634);

433 *posible* в конце предложения: *Don Perlimplín, ¿cómo es posible?* «Дон Перлиплин, как это **возможно?**» (Federico García Lorca, *Amor de don Perlimplín con Belisa en su jardín*, 1933);

357 *posibilidad de (+ que)*: *Apuntamos, sin embargo, la posibilidad de que estas fotografías se eliminen en el futuro* «Однако мы указываем на **возможность того**, что эти фотографии будут удалены в будущем» (Francisco Yus, *El discurso femenino en el comic alternativo inglés*, 1989);

102 *posible y*: *Aminoré el paso, preparándome para un posible y nuevo ataque* «Я замедлил шаг, готовясь к **возможной и** новой атаке» (J.J. Benítez, *Caballo de Troya*: 4. Nazaret, 1989);

97 *posible es*: *¿Posible es que no me oirás?* «(букв. **Возможно есть** ли, что) неужели ты меня не услышишь?» (Pedro Calderón de la Barca, *El príncipe constante*, 1628/1636). Популярный в 16–17 вв. оборот в более позднее время в пиренейских текстах част у Х. Валеры (1824–1905).

Начало аналогичной шкалы для латиноамериканского корпуса выглядит так:

315 *posibilidad de (+ que)*: *Mi consejo tiende sólo a prevenirte contra la posibilidad de que pudieras meterte de tal modo en este lío...* «Мой совет направлен только на то, чтобы предостеречь тебя от **возможности того**, что ты можешь таким образом попасть в эту передрагу...» (Carlos Alberto Leumann, Adriana Zumarán, 1921);

215 *posible que*: *Es perfectamente posible que seamos capaces de lidiar con la criminalidad y no con nuestro oscuro interior* «Вполне **возможно, что** мы сможем справиться с преступностью, а не с нашим темным внутренним миром» (Julio Vera, *La plaza*, 1995);

176 *posible* в конце предложения: *Con estos sentimientos, no hubo ya para los cuatro hijos mayores afecto posible* «Из-за этих чувств в течение четырех часов больше не было ни одной **возможной** привязанности» (Horacio Quiroga, *Cuentos de Amor de Locura y de Muerte*, 1917);

94 *posibilidades de*: *El censo de su población excedía las posibilidades de la aritmética* «Перепись

его населения превышала **возможности** арифметики» (Jorge Luis Borges, *El libro de los seres imaginarios*, 1982);

48 *posible y*: *La mujer les encargó un poco de hilo de remiendo y algo de azúcar, y de ser posible y de haber, un cedazo para colar el atole* «Женщина заказала им немного ниток и сахара, а также, если **возможно и** будет, кедра, чтобы очистить атолл» (Juan Rulfo, Pedro Páramo, 1955);

42 *posible de*: *Los radioteatros se vendían al peso porque era una fórmula menos tramposa que la del número de páginas o de palabras, en el sentido de que era la única posible de verificar* «Радиотеатры продавались на вес, потому что это была менее обманчивая формула, чем формула количества страниц или слов, в том смысле, что она была единственно **возможной для проверки**» (Mario Vargas Llosa, *La Tía Julia y el escribidor*, 1977); обычно предлог *de* подчиняется не слову *posible*, а члену предложения, определяемому словом *posible*, напр.: *Cuidó de hacerlo lo más lejos posible de todos* «Он старался делать это (букв. самое далекое **возможное из**) по возможности подальше от всех» (Laura Esquivel, *La Ley del Amor*, 1997);

39 *posible por*: *Hizo lo posible por mantenerse indiferente, pero Miguel terminó por cautivarlo* «Он сделал всё **возможное** (букв. то **возможное для**), чтобы сдерживаться, но Мигель в конце концов очаровал его» (Isabel Allende, *La Casa de los espíritus*, 1982);

35 *posible para (+ que)*: *Los hábitos del Monthly me obligaron al uso de iniciales, pero hice todo lo posible para que no quedara la menor duda sobre la identidad del autor* «Обычай издания Monthly обязывали меня использовать инициалы, но я сделал все **возможное для** (того), чтобы не осталось ни малейших сомнений в личности автора» (Jorge Luis Borges, *El libro de arena*, 1975);

Видим, что в правых контекстах для латиноамериканского корпуса наиболее характерна номинализация *posibilidad* «возможность», в то время как в пиренейском корпусе в начале шкалы находится предикат возможности *posible*.

4. Невозможно и невозможность

Позиции отрицательных основ, взятых вне контекста, на шкалах частотности в двух вариантах испанского языка совпадают. В пиренейском корпусе имеем: *imposible* «невозможный» (1818) > *imposibles* «невозможные» (291) > *imposibilidad* «невозможность» (143) > *imposibilidades* «невоз-

можности» (2) > *imposiblemente* «невозможным образом» (0). А в латиноамериканском: *imposible* «невозможный» (875) > *imposibles* «невозможные» (71) > *imposibilidad* «невозможность» (54) > *imposibilidades* «невозможности» (1) > *imposiblemente* «невозможным образом» (0).

4.1. Левые контексты «невозможного»

В пиренейском корпусе имеем:

441 es imposible: *Perdonar podéis; / porque es imposible agora* «Простить вы можете; / потому что (букв. **есть**) **невозможно** сейчас» (Juan Ruiz de Alarcón, *El tejedor de Segovia*, 1634);

206 era imposible: *Finalmente se le queman, / y sin alas, en el campo / se deja coger, no viendo / que era imposible volando* «В конце концов его сжигают, / и без крыльев, в поле / его ловят, не видя, / что летать **было невозможно**» (Lope de Vega, *El castigo sin venganza*, 1631);

182 imposible в начале предложения: *Imposible es resistir; / que me ha llegado a faltar / la espada para esperar, / y el aliento para huir* «**Невозможно** сопротивляться; / что мне стало не хватать / меча, чтобы ждать, / и дыхания, чтобы бежать» (Juan Ruiz de Alarcón, *El tejedor de Segovia*, 1634);

94 la imposibilidad, из них с предлогом *de* 59 случаев: *Inútilmente el senador le demostró la imposibilidad de este viaje* «Напрасно сенатор доказывал ему **невозможность** этой поездки» (Vicente Blasco Ibáñez, *Los cuatro jinetes del apocalipsis*, 1916).

А в латиноамериканском корпусе картина несколько иная:

188 era imposible: *Era imposible una entonación de voz más despótica y absoluta que el que usara el Chucro con la Pepa* «**Было невозможно** найти более деспотичный и категоричный тон, чем тот, каким говорил Чукро с Пепой» (Carlos-Octavio Bunge, *Thespis*, 1907);

144 es imposible: *Es imposible hacerlo a pie* «(букв.) **Есть невозможно** делать стоя» (Isabel Allende, *La ciudad de las bestias*, 2002);

46 imposible в начале предложения: *Imposible era que hiciera vida común con su marido sin verle el alma* «**Невозможно** было, чтобы она вела совместную жизнь со своим мужем, не заглянув ему в душу» (Carlos-Octavio Bunge, *Thespis*, 1907);

46 la imposibilidad, из них 34 с предлогом *de*: *Y una vez asomados al “agujero de sombra”, y puestos a resolver el insoluble enigma, el deseo de ser y la imposibilidad de pensarse no siendo, les llevaron fatalmente a imaginarse una continuación ul-*

terior de la vida «И как только они заглянули в “дыру из тени” и были поставлены перед неразрешимой загадкой, желание быть и **невозможность** думать о себе как о небытии неизбежно привели их к воображению дальнейшего продолжения жизни» (Agustín Álvarez, *La transformación de las razas en América*, 1918);

44 fue imposible: *Oí los pasos en la escalera y quise apagar mi luz, pero fue imposible: la llave se había atrancado* «Я услышал шаги на лестнице и хотел выключить свет, но это **было невозможно**: ключ застрял в замке» (Adolfo Bioy Casares, *La invención de Morel*, 1940);

43 casi imposible: *La situación era desesperada, porque bajar de noche al fondo de esa quebrada era casi imposible* «Положение было отчаянным, потому что спуститься ночью на дно этого ущелья было **почти невозможно**» (Isabel Allende, *El Reino del Dragón De Oro*, 2004).

4.2. Правые контексты «невозможного»

В пиренейском корпусе:

319 imposible в конце предложения: *Si no me matas, Amor, / facilita este imposible* «Если ты не убьешь меня, Любовь, / облегчи это **невозможное**» (Juan Ruiz de Alarcón, *La Manganilla de Melilla*, 1634);

227 imposible que: *El segundo es imposible que su pretensión alcance; / y dar efeto al primero / es vencerte y obligarme* «Во-вторых, **невозможно, чтобы** его притязания достигли цели; / и осуществить первое / значит победить тебя и заставить меня» (Juan Ruiz de Alarcón, *El dueño de las estrellas*, 1634);

83 imposibilidad de: *Inútilmente el senador le demostró la imposibilidad de este viaje* «Напрасно сенатор доказывал ему **невозможность** этой поездки» (Vicente Blasco Ibáñez, *Los cuatro jinetes del apocalipsis*, 1916);

76 imposible de: *Lo que vuestra merced nos manda, señor y libertador nuestro, es imposible de toda imposibilidad cumplirlo...* «То, что повелевает нам ваша милость, господь и спаситель наш, совершенно **невозможно** (букв. невозможно всей невозможностью) исполнить» (Miguel de Cervantes Saavedra, *Don Quijote de la Mancha*, t.1–2, 1605–1615);

49 imposible es: *Imposible es escaparnos / de aquellos que nos persiguen* «букв. **Невозможно** **есть** убежать / от тех, кто нас преследует» (Miguel de Cervantes Saavedra, *La Numancia*, 1585); в отличие от позитивного *posible es* (см. выше), нередко встречается вплоть до наших дней;

41 imposibles в конце предложения: *Alza los ojos, no hagas / fáciles los imposibles* «Подними

глаза, не делай легкими (вещи) **невозможные**» (Lope de Vega, *La quinta de Florencia*, 1610).

В латиноамериканском корпусе количество примеров меньше, но картина очень похожа:

110 imposible в конце предложения: *Por desgracia, una reparación que satisfaga enteramente su memoria es imposible* «К сожалению, восстановление, которое полностью удовлетворило бы вашу память, **невозможно**» (Pedro de Cieza de León, *Segunda parte de la crónica del Perú, que trata del señorío de los Incas Yupanquis y de sus grandes hechos y gobernacion*, 1880);

93 imposible que: *Es imposible que te acuerdes de eso, Eliza* букв. «**Невозможно, чтобы** ты это помнила», т. е. «Ты не можешь этого помнить, Элиса» (Isabel Allende, *Hija de la fortuna*, 1998);

67 imposible de: *Se dice, y se dice como una cosa concluyente que no admite réplica, que el indio es imposible de definir* «Говорится, и говорится как нечто, не допускающее возражений, что индейца **невозможно** определить» (Juan Álvarez Guerra, *Viajes por Filipinas: De Manila a Tayabas*, 1887);

42 imposibilidad de: *Ante la imposibilidad de eliminar la miseria, se prohibió mencionarla* «Ввиду **невозможности** устранить нищету было запрещено упоминать о ней» (Isabel Allende, *De amor y de sombra*, 1984);

27 imposibles de: *Hay panoramas en este país imposibles de describir ni pintar* «В этой стране есть панорамы, которые **невозможно** (букв. **невозможные**) описать или нарисовать» (Juan Álvarez Guerra, *Viajes por Filipinas: De Manila a Tayabas*, 1887);

21 imposible y: *No, no venía acá a esperar que Jericó se pareciera a Nueva York, lo cual era imposible y absurdo* «Нет, я приехал сюда не для того, чтобы надеяться, что Иерихон будет похож на Нью-Йорк, что было **невозможно и абсурдно**» (Héctor Abad Faciolince, *La Oculta*, 2014);

21 imposible no: *Dos soldados lo apuntaron con sus armas y otro lo agarró por el cabello, y se lo cortó, todavía le resultaba imposible no sentir un espasmo de impotencia e indignación* «Двое солдат направили на него свое оружие, а другой схватил его за волосы и рубанул по ним, а ему все еще было **невозможно не** почувствовать спазм бессилия и возмущения» (Isabel Allende, *De amor y de sombra*, 1984).

5. Заключение

Как и в других языках (латинском, английском, русском, французском и др.), которым посвящены другие публикации автора, лексические

единицы, обозначающие положительную возможность, количественно преобладают над лексическими единицами класса невозможности. Однако в латиноамериканских текстах это преобладание гораздо менее выражено, чем в корпусе текстов на испанском языке Испании. А шкалы частотности контекстов в обоих корпусах формулируются в терминах ограниченного репертуара параметров.

Обозначим заглавными латинскими буквами три самые частые эмпирически выявленные правые контексты – те, в которых единица класса «возможное / невозможное» находится:

А – в конце предложения;

В – перед придаточным предложением, вводимым союзом *que* (ср. англ. *that*, нем. *dass* и т.д.) «что»;

С – перед предлогом *de* (ср. франц. *de*, англ. *of* и т.д.).

Аналогично обозначим четыре левых контекста, когда основа класса «возможное / невозможное» находится:

Д – после глагола «быть» в настоящем времени 3 л. индикатива;

Е – после определенного артикля (*la posibilidad* «возможность»); ср. франц. *la possibilité*, нем. *die Möglichkeit* и т. д.;

Ф – после глагола «быть» в прошедшем времени 3 л. индикатива;

Г – в самом начале предложения.

В этих обозначениях, напоминающих нотацию хромосом, в европейском испанском языке у позитивной «возможности» шкала частотности правых контекстов выглядит как В>А>С, а в латиноамериканском – как С>В>А. У «невозможного» в обоих корпусах имеем шкалу А>В>С.

Левые контексты «возможного» в пиренейском выстраиваются на шкале Д>Е>Ф, а в латиноамериканском – Д (с меньшим перевесом, чем в пиренейском) >Е>Ф. «Невозможное» в испанском языке Испании характеризует шкала Д>Ф>Г>Е, а в латиноамериканском Ф>Д>Г>Е. Как выше было показано, в испанском корпусе Испании *imposible* «невозможный» чаще всего употребляется сразу после форм глагола *es* («есть», 3 л.ед.ч.), в настоящем времени. А в латиноамериканском *imposible* чаще всего используется сразу после *era* («было», 3 л.ед.ч.), в прошедшем времени. Соблазнительно объяснить это тем, что в испанском языке Испании отрицательный опыт, гарантирующий «невозможность» чего-либо, существеннее для наличного бытия (для того,

что здесь и теперь), но не для будущего и прошлого; а для латиноамериканского испанского – больше для оценки прошлого. Но не будем поддаваться этому соблазну.

Интересно, что в английских текстах сочетаемость позитивных основ *possible / possibility* с правыми контекстами совпадает с пиренейской шкалой [Демьянков 2021a: 53]: В>А>С. А «невозможность», преобладающая в начале предложения и более частая, чем перед союзом / союзным словом *что* (А>В), роднит оба варианта испанского языка с русским корпусом.

Эти и подобные результаты могут быть полезны для выявления различий в эпистемологических установках к высказываниям в разных культурах, но требуют осторожности. Ведь даже на очень большие коллекции текстов нельзя полностью положиться: корпусный подход сродни социологическому и не лишен предвзятости и неполноты при отборе материала. Не будем самообольщаться: объективности этим двум этим методам придает не спорный алгоритм подбора опрашиваемых и их текстов, а беспристрастная статистика (ср.: «The core corpus methods rely on calculations aimed at numerically describing the contents of the texts under investigation in terms of their frequencies of occurrence and co-occurrence» [Cristofaro 2024: 73]). Статистика – раздел «чужой» дисциплины, а потому и более авторитетна, чем родная. Как и при коллекционировании марок и монет, трудно не поддаться искушению включить в корпус все оцифрованное, даже амбарные книги, ср.: «Веревочка? Давай и веревочку! И веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое – подвязать можно» (Н.В. Гоголь, Ревизор, 1835–1836).

Выбор нужного варианта при построении и восприятии дискурса – частный случай организации человеком своей линии поведения в мире, в опоре на знание прецедентов, на пробы и ошибки в неосторожном обращении с огнем реальности и с холодом нереальности. Избыток возможностей [Bender 2018: 31], как и их дефицит в дискурсе, сказывается и на ходе интерпретации текстов, и на восприятии мира как большого «семиотического» пространства.

А выбирая варианты истолкования и строительства текста, мы грустно осознаем суровую действительность (ибо не все желанное реально) и пытаемся хоть как-то утешить себя, разнообразя меню возможностей. Да, мы рождены, чтоб сказки делать былью, но не любые сказки и не про любых бабушек с волками.

Список литературы / References

Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5-17. [Demyankov V.Z. O jazykovykh technikach adaptacii mnenija // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2020. № 4. P. 5-17.]

Демьянков В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 5-21. [Demyankov V.Z. O vozmožnosti v logike i v kognitivnoj semantike // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2021. № 4. P. 5-21.]

Демьянков В.З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности. М.: Р. Валент, 2021. С. 21-99. (2021a) [Demyankov V.Z. Lingvokreativnost' v diskursach o vozmožnom i verojatnom // Lingvokreativnost' v diskursach raznykh tipov: Predely i vozmožnosti. M.: R. Valent, 2021. P. 21-99. (2021a)]

Altes L.K. Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2014.

Andrews E. Neuroscience and Multilingualism. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2014.

Bender N. Verpasste und erfasste Möglichkeiten: Lesen als Lebenskunst. Basel: Schwabe, 2018.

Bowers J. Deriving Syntactic Relations. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2018.

Cristofaro M. Di. Corpus Approaches to Language in Social Media. N.Y.; London: Routledge, 2024.

Dikken M.D. Dependency and Directionality. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2018.

Gerdes K., Hajičová E., Wanner L. Foreword // Dependency Linguistics: Recent Advances in Linguistic Theory Using Dependency Structures. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. P. ix-xi.

Harrison Ch., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W. Introduction: Cognitive grammar in literature // Cognitive Grammar in Literature. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 1-16.

Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S. From collocations and patterns to constructions – an introduction // Constructions. Collocations. Patterns. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 1-9.

Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Madlener K. Frequency Effects in Instructed Second Language Acquisition. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015.

Mel'čuk I. Dependency in language // Dependency Linguistics: Recent Advances in Linguistic Theory Using Dependency Structures. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. P. 1-32.

Scheller-Boltz D. The Discourse of Gender Identity in Contemporary Russia: An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics. Hildesheim, Zürich, N.Y.: Georg Olms Verlag, 2017.

“POSSIBLE” AND “IMPOSSIBLE” IN THE NATIONAL VARIETIES OF THE SPANISH LANGUAGE

V.Z. Demyankov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russia)
vdemiank@mail.ru

Lexical items denoting possibility and impossibility are part of the semantic category of “epistemic warrant” (Lyons, 1977). They are used differently in Castilian Spanish (Spain) and Spanish of Latin America. This paper explores how some principles behind artificial intelligence systems are applied in algorithms for processing text corpora in these two varieties of Spanish.

The results include statistical analysis of the left and right contexts of these words and their related terms within representative corpora. The data was further analyzed to demonstrate differences in the concepts of possibility and impossibility between the two varieties. For example, in Castilian Spanish, ‘impossible’ is most frequently used immediately after ‘es’ (3rd person singular form of the verb “to be”) in the present tense, while in Latin American Spanish, it is most frequently used immediately after ‘era’ (3rd person singular of the past tense of “to be”).

In both corpora, as well as in other languages studied in several publications by the author (Latin, English, Russian, French, etc.), lexical items that denote positive possibility quantitatively outnumber those of the impossibility class. However, this predominance is less pronounced in Latin American texts than in the Castilian corpus.

These findings may be useful in identifying different attitudes towards epistemological justifications for statements in different cultural contexts.

Key words: cognitive linguistics, construction grammar, contrastive corpus-statistical investigation, possible, context, corpus design, national varieties of Spanish, linguistic identity.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24–18–00702 at the RUDN University.

For citation: Demyankov, V. Z. (2024). “Possible” and “impossible” in the national varieties of the Spanish language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-14 (In Russ.).